

О.А. М у р а ш к о

**СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА НАРОДОВ СЕВЕРА:
ЗАЩИТА ПО ЗАКОНУ И ПО ОБЫЧАЮ**

Проблема отношения к священным местам коренных народов Севера в России имеет давнюю историю. Разрушение “капищ языческих идолов” и обращение этих народов в православную веру стало одной из составных частей русификаторской колониальной политики Российской империи в отношении народов Севера и Сибири. Но одновременно, уже с начала XVII в., в России принимались отдельные законодательные акты, предписывающие “промышленным людям” “шайтанов не грабить, а могил у мертвых остыков не раскапывать”¹. В советский период господства официального атеизма проблема защиты священных мест замалчивалась. Законодательство охраняло только “памятники истории, культуры и архитектуры”. Для того, чтобы попасть под защиту закона, памятник должен был быть описан, занесен на карту и зарегистрирован в специальном кадастре. Лишь единичные священные места, совпадавшие с местом расположения памятников природы или археологии, оказались, таким образом, под охраной.

Вновь к проблеме охраны священных мест коренных народов на законодательном уровне вернулись в последние десятилетия. В связи с расширением промышленного освоения территорий традиционного расселения коренных народов Севера, в северных регионах предпринимались и предпринимаются попытки создать специальное законодательство, но ни один законопроект на эту тему пока не принят. В новый Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” (принят 14 июня 2002 г.) священные места коренных малочисленных народов Севера в качестве отдельной категории памятников, подлежащих охране, так и не были включены.

Рассмотрим проблему охраны и защиты священных мест с точки зрения самих коренных народов и тех правовых норм, которые имеются в международных и национальных правовых актах.

Охрана священных мест в контексте движения за сохранение биологического разнообразия. В статье 8(ж) Конвенции о биологическом разнообразии (далее КБР), принятой в 1992 г. на Международном форуме по охране окружающей среды в Рио-де-Жанейро, сказано, что государства-участники “в соответствии со своими национальными законодательствами обеспечивают уважение, сохранение и поддержание знаний, нововведений и практики коренных и местных общин, отражающих традиционный образ жизни, которые имеют значение для сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия, способствуют их более широкому применению с одобрения и при участии носителей таких знаний, нововведений и практики, а также поощряют совместное пользование на справедливой основе выгодами, вытекающими из применения таких знаний, нововведений и практики”². Одним из результатов развития положений этой статьи стало признание традиционных знаний и практик коренных народов, связанных с почитанием священных мест, как фактора защиты биоразнообразия. Таким образом, авторы КБР впервые в международном праве отметили значение священных мест коренных народов для сохранения биоразнообразия и подчеркнули необходимость их защиты.

В 2004 г. на Седьмом совещании Конференции сторон КБР были одобрены разработанные Рабочей группой по осуществлению статьи 8(ж) “Добровольные руководящие принципы проведения оценки культурных, экологических и социальных последствий предлагаемой реализации проектов в местах расположения святынь, а также на землях и в акваториях, занимаемых или используемых коренными и местными общинами”, в которых определены принципиальные и процедурные вопросы

оценки таких последствий. В частности, в главе IV, пункт 23 этого документа говорится:

“Принимая во внимание уникальные отношения между коренными и местными общинами и окружающей средой, Руководящие принципы допускают возможность объединения оценок культурных, экологических и социальных последствий в единый процесс... При определении диапазона оценки культурных последствий необходимо учитывать следующее: ... д) возможные последствия на места расположения святынь и связанные с ними ритуалы и обряды; е) уважение потребности в уединении для целей, связанных с культурой”.

Далее в пунктах 32 и 33 того же документа указывается:

“32. В случае необходимости оценивать потенциальные последствия предлагаемой реализации проекта на место расположения святынь процесс оценки должен также предусматривать альтернативное место реализации проекта, выбор которого осуществляется на основе консультаций с хранителями объектов и с заинтересованной общиной в целом. Если место расположения святыни будет затронуто в результате реализации проекта и в случаях отсутствия законов, охраняющих такие участки, заинтересованные коренные и местные общины могут разработать для данного объекта процедуры с учетом предлагаемой реализации проекта.

33. Лица, выдвигающие предложения по реализации проектов, и работники, связанные с такими проектами, должны уважать культурные чувства коренных и местных общин и необходимость в уединении, особенно для проведения важных ритуалов и обрядов, например, похоронных обрядов или инициации, и вести себя таким образом, чтобы их действия не нарушили распорядка и других видов деятельности таких общин”³.

Международные принципы и нормы в отношении охраны священных мест коренных народов развивались на основе изучения предшествующего опыта, накопленного в разных странах. Следует отметить, что оценка различных подходов к проблеме охраны священных мест в зарубежных исследованиях неоднозначна. В некоторых регионах были предприняты попытки документации священных мест⁴, которые исследователями оценивались различно. Одни авторы считают удачным опыт Новой Зеландии, где вместо картирования священных мест создан институт “хранителей молчаливых списков”, к которым должны обращаться власти, прежде чем одобрить начало работ⁵, другие критикуют любые стратегии формальной охраны за то, что они неизбежно разрушают, вместо того, чтобы защищать священные места коренных народов. Эти авторы считают, что защита священных мест должна включать поддержку усилий коренных общин сберегать отношения духовности⁶. Отмечая сложности решения проблемы защиты священных мест, авторы указывают на противоречие между иудео-христианской традицией, требующей кодификации священных мест для подтверждения их подлинности, и отношением традиционных обществ, которые хранят в тайне местоположение священных мест⁷. Общий вывод большинства исследователей проблемы: западные юридические механизмы плохо приспособлены к работе с традиционными знаниями и практиками коренных народов в области использования и защиты священных мест.

Тем не менее, исследования продолжаются, а ученые и юристы продолжают работу над международными принципами интеграции задач сохранения биоразнообразия на территориях традиционного расселения коренных народов, с одной стороны, и сохранения их культуры и традиционных знаний и практик в отношении охраны священных мест – с другой.

Тема священных мест в контексте российской политики. Некоторые международные принципы и нормы в той или иной мере отражены в федеральном законодательстве Российской Федерации⁸. Хотя понятие “священные места” коренных народов в этом законодательстве отсутствует, для определения статуса священных мест на практике используются понятия “природные и историко-культурные комплексы и объекты”, “достопримечательные места”, к которым относятся “места соверше-

ния религиозных обрядов” и другие. Эти объекты начинают вносить в государственные реестры, они охраняются государственными органами власти, для чего вокруг таких объектов создаются охранные зоны.

Но эти же нормы могут быть использованы и для фактического отчуждения священных мест от коренных народов, связывающих их почитание и использование с определенными церемониями. Например, если священное место оказалось на территории заповедника, то проникновение к нему и тем более разведение церемониального костра становится затруднительным или вовсе невозможным. Известны случаи изъятия святынь в ходе их изучения. Так, почитаемый всеми ненцами Семиликий идол из государственного заповедника на о. Вайгач был в 1997 г. вывезен в Москву для реставрации в НИИ природного и культурного наследия⁹ и до сих пор не возвращен. Сами ненцы связывают с этим событием несчастья, случившиеся с ними после 1997 г.

Наиболее адекватные условия защиты священных мест и связанной с ними традиционной практики коренных народов созданы в действующем российском Федеральном законе “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” (принят 4 апреля 2001 г.). Для защиты священных мест важны следующие нормы этого закона:

“Для целей настоящего Федерального закона правовое регулирование указанных отношений может осуществляться обычаями малочисленных народов, если такие обычай не противоречат законодательству Российской Федерации, законодательству субъектов Российской Федерации” (ст. 2 *Правовое регулирование отношений в области образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования*).

“Размеры территорий традиционного природопользования определяются с учетом следующих условий: ...сохранения исторически сложившихся социальных и культурных связей лиц, относящихся к малочисленным народам; сохранения целостности объектов историко-культурного наследия” (ст. 9).

На территориях традиционного природопользования выделяются: “объекты историко-культурного наследия, в том числе культовые сооружения, места древних поселений и места захоронений предков и иные объекты, имеющие культурную, историческую, религиозную ценность” (ст. 10).

Отмечается, что “охрана окружающей среды в пределах границ территорий традиционного природопользования обеспечивается органами исполнительной власти Российской Федерации, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также лицами, относящимися к малочисленным народам, и общинами малочисленных народов” (ст. 15) и что “объекты историко-культурного наследия в пределах границ территорий традиционного природопользования (древние поселения, другие памятники истории и культуры, культовые сооружения, места захоронения предков и иные имеющие историческую и культурную ценность объекты) могут использоваться только в соответствии с их назначением” (ст. 16)¹⁰.

Эти нормы создают условия для включения священных мест в состав территорий традиционного природопользования и для их охраны и использования в соответствии с обычаями коренных народов. Угроза внешнего вторжения на священные места предупреждается статусом территорий традиционного природопользования как особо охраняемых природных территорий.

Эти возможности были оценены коренными народами: в обращениях об образовании территории традиционного природопользования, направленных в адрес Правительства РФ общинами коренных народов, указаны входящие в их состав священные места; общины брали на себя обязательства их сохранять и использовать по назначению.

Однако Закон о территориях традиционного природопользования не исполняется. Правительство Российской Федерации уже третий год под разными предлогами блокирует его реализацию, отвечает отказами на обращения общин коренных народов, а с 2003 г. предлагает отменить действующий закон и заменить его новым. В новом законопроекте территории традиционного природопользования уже не обладают статусом особо охраняемых территорий, в нем отсутствует право регулирования отношений на территориях традиционного природопользования обычаями коренных народов, режим охраны и использования памятников культурного наследия, входящих в состав территорий традиционного природопользования, определяется только нормами федеральных законов, без учета обычаев коренных малочисленных народов.

Проект исследования проблемы охраны священных мест коренными народами. Точка зрения самих коренных народов на проблему охраны священных мест нашла отражение в ходе реализации проекта “Значение охраны священных мест коренных народов Арктики: исследование на Севере России”, недавно выполненного Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока при поддержке Программы сохранения арктической флоры и фауны (CAFF) и Секретариата коренных народов (IPS). Результаты проекта опубликованы в книге “Священные места Арктики. Значение охраны: исследование коренных народов Севера России”¹¹.

Работы по проекту проводились в Тазовском р-не Ямало-Ненецкого АО, на территории проживания и сезонных кочевых ненцев, где было проведено 66 интервью с оленеводами, рыбаками и старейшинами, описано и нанесено на карту 263 священных места, и в Олюторском р-не Корякского АО, где в нескольких поселках опрошено 30 старейших представителей коренных народов (коряки, чукчи, эвены) и отмечено на карте 84 священных места. Были сделаны аудиозаписи, проведена фото- и видеосъемка. Некоторые священные места исследователям удалось посетить и описать. Ни одно из описанных и нанесенных на карту священных мест ныне не имеет какого-либо статуса охраны. В книге опубликован вопросник, по которому проводились опросы, списки опрошенных с указанием их места рождения и профессии, приведены прямые высказывания респондентов.

Приведу примеры ответов на некоторые вопросы, для того чтобы читатель мог убедиться, сколь разнообразная, индивидуальная, порой неожиданная информация в них содержится.

Что такое “священные места”? Ямал: “Священные места – это жертвенные места коренных малочисленных народов и древние захоронения их предков. Крупные священные места находятся на Севере ЯНАО” (*Вануйто Анатолий, пос. Антипаута, судоводитель*). “Это место приношения жертвы Нуму, духам местностей, рекам, озерам” (*Вануйто Ертику, Антипаута, домохозяйка*). “Это культовое, религиозное место. Могут находиться в разных местах, по маршрутам касланий и памятных событий” (*Евай С.Н., пос. 5–6 Пески, рыбак*). “Священное место – это место, куда ходят поклоняться мужчины. Там живет бог. Священных мест много в тундре, всех не запомнишь. Это у мужчин надо спрашивать” (*Лапсуй В.Х., Антипаута, чумработница*). “Это место для родовых поклонений духам небес. Находятся по всей тундре. Это место выбирает шаман или старейший из рода” (*Лапсуй И.А., Антипаута, оленевод-частник*). “Это место, где всю жизнь мои предки поклонялись своим богам. В Тазовском районе раньше было много священных мест. С начала прихода геологов на Север их становится все меньше. Сейчас они еще есть, но люди боятся о них говорить. Священные места могут находиться в разных местах, где укажет шаман, там и возникают эти места” (*Салиндер Н.О., 5–6 Пески, пенсионер*).

Камчатка: “Для нас – коряков, чукчей, эвенов – священны все места, так как наши предки, да и наше поколение, вели кочевой образ жизни. И по пути следования встречались стойбища, места захоронений, места гибели людей. Все эти места священны. Раньше мы приносили жертвы всему: воздуху, земле, воде, костру. Как бы

ублажали их, чтобы в семье все было благополучно, чтобы падеж оленей был меньше. Священные места для нас – вся Природа, тундра, так как она нас поит, кормит и т.д.” (*Делькини Анатолий, пос. Хаилино, оленевод*). “Испокон веков священными местами были камни или определенные места. Там делают обязательные жертвоприношения, иначе может не быть рыбы, дичи” (*Косыгин Егор, пос. Тиличики, охотник*). «Вероятнее всего, священные места разделяются по значимости. Условно их можно разделить на: “памятники” погибшим когда-то людям (иногда даже животным); места кремаций; сторожевые; конечные (конец маршрута); места заготовок скребков для выделки шкур. Места, населенные некими духами; в той или иной мере они (места) связаны с историей (очень давней и недавней) местного населения; как правило, связаны со страданиями людей» (*Нинани Аркадий П., Хаилино, ветврач*). “Очень тяжело ответить, потому что я не знаю. У каждой семьи, у каждого человека есть свои определенные места. Может быть, есть семейные, может быть, есть общие для всех. Обычно священные места священны для конкретного человека, если он их воспринимает” (*Тнагиргин Валерий, Тиличики, администрация*). “Наши деды, прадеды говорили и рассказывали нам о своих местах. Священное место – это хозяин или хозяйка той территории, где она или он располагается. Поэтому, проходя мимо этого места, оленеводы оповещают о себе и своей семье, совершив ритуал жертвоприношения, чтобы священное место не осталось в обиде, послав людям удачу в охоте, в выпасе оленей, а также здоровья всем” (*Тынетегин Василий, пос. Ачайвялм, рыбак*). “Священные места – это места, которым испокон веков поклонялись наши народы: чукчи, коряки, эвены... Вообще, у нымыланов (коряков) не принято говорить о священных местах чужим. Это же передается из поколения в поколение, чтобы дети знали, где эти места. Не принято говорить, потому что это наши земли, а рассказы их оскверняют” (*Филиппова Людмила, Тиличики, директор краеведческого музея*).

Существуют ли запреты или ограничения на их посещение? Ямал: “Мужчины и женщины поклоняются духам в разных местах, так как женщинам нельзя посещать многие священные места” (*Вануйто Ертику, Антипаюта, домохозяйка*). “Женщинамходить на мужские священные места нельзя, для этого имеются женские священные места, но их мало. Женщины приходят на священное место, чтобы попросить здоровья для своих детей” (*Салиндер К.П., Антипаюта, чумработница*). “Чужие люди перед посещением священного места должны очищаться. Существует также ограничение на посещение священных мест в течение года после похорон. Для женщин существуют специальные женские священные места, которые находятся рядом с мужской половиной. Жертвенного оленя забивают на мужской половине, а варят мясо на женской. В этом их отличия” (*Яптунай Сябло, пос. Гыда, пенсионерка*).

Камчатка: “Каждый волен отдать дань, почтить память умерших. Это как в церкви у православных верующих” (*Вавакко Алексей, Хаилино, оленевод*). “Священные места сами отвергают плохих людей” (*Косыгин Егор, Тиличики, охотник*). “Все, что осталось после захоронения (нож, кружка, бисер, копье и т.д.), нельзя брать. Это принадлежит умершему. Запрещается также посещать священное место семьям, в которых недавно были похороны. Запрещено посещать эти места женщинам и девушкам в их критические дни” (*Лилькива Людмила, Хаилино, пенсионерка*). «Существуют, вообще-то, ограничения. Только наш народ должен знать свои священные места. Нам говорят, что нельзя подпускать чужих людей, они могут быть злыми (кто-нибудь из других народов), они могут “сглазить” все добро. Нельзя рассказывать о священных местах и показывать их. Был случай, когда один человек сфотографировал священный камень. При проявке пленки выяснилось, что она – белая. Сам фотограф заболел, умер, следом его семья – жена, родственники. Поэтому нельзя посещать священные места чужим. Наши предки жестко относились к этому, запрещали говорить, писать об обычаях, традициях. Все это позволялось делать в кругу семьи, родов. Передавалось устно. Поэтому сегодня нет литературы, чтобы

можно было писать открыто, делать устную информацию» (*Филиппова Людмила, Тиличики, директор краеведческого музея*).

Значение священных мест для культуры, религии, уклада жизни коренных народов. Ямал: “Сюда ходили мои предки, и будут ходить мои внуки. Как здесь определить значение священных мест, раз ходят люди сюда, значит, им это нужно. И, прежде всего, это нужно молодым людям” (*Лапсуй И.А., Антипаюта, оленевод-чакстник*). “Большое. Совершив обряд, люди, приобретают уверенность в завтрашнем дне, что все их родственники и олени будут здоровы” (*Лапсуй В.Е., Гыда, учительница*). “Ненцы всегда верили, что, прияя на священное место, они получат добрую энергию, будет больше уверенности в делах, получат стимул к дальнейшей жизни. Священные места являются для нас памятниками истории нашего народа. На них можно увидеть святые реликвии, образцы древней духовной культуры ненцев, можно встретить археологические ценности в виде древних монет” (*Лапсуй П.П., Антипаюта, оленевод*). “Наверное, для каждого человека священные места имеют свое значение, а для меня это место поклонения моим божествам, туда приходят духи моих предков, приходят духи-помощники для проведения шаманских ритуалов” (*Мандаков Г.Е., пос. Тазовский, пенсионер*). “Я не понимаю, о чем ты спрашиваешь. Может культурное, может духовное. Что такое экологическое? Духовное, наверное, раз там живет дух” (*Салиндер Н.П., Антипаюта, пенсионерка*).

Камчатка: “Испокон веков священные места составляли часть нашей жизни, поэтому информацию о них необходимо передавать от детей внукам. Мы сохранили, поэтому и они должны сохранить и передать дальше” (*Косыгин Егор, Тиличики, охотник*). “Священные места для нас – это наша жизнь, наш уклад, культура. Нас с детства приучили к совершению ритуалов, и мы без них уже не можем обойтись” (*Тололо Зоя, пос. Верхние Пахачи, пенсионерка*). “Посещая священные места, люди увереннее чувствуют себя, знают, что все будет хорошо. Необходимо научить людей уважать старые обряды, традиции. Надо рассказывать об их существовании и значении подрастающему поколению. Прививать культуру общения со священными местами, не забывать их, приносить жертвы” (*Юльтавнаут Анна, пос. Средние Пахачи, пенсионерка, учительница*). “Священные места забыли. Это раньше помнили, когда наш народ кочевал, но сейчас табунов несталось. Наше поколение уже не помнит ничего” (*Игильгин Сергей, Хаилино, оленевод, безработный*).

Угрозы для существования священных мест. Ямал: “Существует угроза от освоения месторождений нефти и газа” (*Евай С.Н., 5–6 Пески, рыбак*). “Деятельность пришлых людей. Они не уважают культовые места других народов” (*Лапсуй В.Е., Гыда, учительница*). “Я не знаю, что такое охрана священных мест, от кого их надо охранять, их должны охранять духи этой местности” (*Мандаков Г.Е., Тазовский, пенсионер*). “Конечно, надо охранять от геологов. Они все роют и роют землю. Рыть землю нельзя – грех. Дьявол и так вылез оттуда. Эти геологи еще вытаскивают злых духов, которые несут болезни. Из-за них у нас неприятности бывают” (*Салиндер Н.П., Антипаюта, пенсионерка*).

Камчатка: “Думаю, что природа никак не может угрожать существованию священных мест, а вот человек... Будет очень жаль, если священные места опустошатся. Ведь сейчас современная молодежь уже не приносит в жертву орудий труда и быта. Да и где их взять! Все утрачивается” (*Вавакко Алексей, Хаилино, оленевод*). “Мне было больно, когда я узнала о том, что со священного места Кылильэн-ылк-эн (*Бисерный перевал*) вывезли для музея очень много жертвенных подношений. Там были копья и стрелы, датированные 1927, 1938 гг. Священные места могут пострадать в результате стихийных бедствий, а угроза исходит лишь от человека (современная техника, пожары, небрежное отношение к природным ресурсам)” (*Лилькива Людмила, Хаилино, пенсионерка*). «Нет, природа не портит священные места, так как во время плохой погоды они “спят”. А человек – как обычно. Когда приезжие люди не знают, что они священные, то могут навредить. А когда знают, то не трогают эти места» (*Улей Абрам, Тиличики, оленевод*). “Священные места охраняют себя

сами, а человек должен лишь уважительно относиться к ним” (*Тыннетегин Василий, рыбак и Тололо Зоя, пенсионерка, Средние Пахачи*).

Необходимость принятия специальных мер защиты священных мест. Ямал: “Я не понимаю, какие меры нужно принимать. Хозяин священного места сам должен охранять это место, духи сами охраняют их. Человек не может все время стоять у священного места” (*Вануйто Ертику, Антипаута, домохозяйка*). “Наверное, нужно. Только кто их будет охранять? От геологов их не сохранишь. Все равно разрушат” (*Вануйто С.Я., Антипаута, пенсионер*). “Такая необходимость наступила, необходимо принять общими усилиями специальные меры на местном, региональном и федеральном уровнях” (*Вэнго В.Н., Тазовский, учитель*). “Зачем. Там их дух охраняет” (*Лапсуй В.Х., Антипаута, чумработница*). “Вам, грамотным людям, лучше знать, как сохранить наши священные места. Главное, чтобы их никто не уничтожал” (*Лапсуй Явлада, Антипаута, оленевод*). “Священные места должны охраняться самими хозяевами этих священных мест. Почему мы должны это доверять чужим людям, охрану наших священных мест” (*Мандаков Г.Е., Тазовский, пенсионер*). “Охранять? Наши мужчины охраняют. Духи наши охраняют” (*Салиндер Е.П., Тазовский, пенсионерка*). “Охранять надо самим ненцам. Вот и все” (*Салиндер Н.О., 5–6 Пески, пенсионер*).

Камчатка: “Священные места охраняют себя сами” (*Кининлад Николай, Яечь Мария, Средние Пахачи, пенсионеры*). “Необходимость мер защиты священных мест существует, но силами местными или даже региональными не ограничиться, а значит, нужна и федеральная защита” (*Вавакко Рультыне, Хаилино, оленевод, пенсионерка*). “Конечно. Все начинать надо с муниципального и окружного уровня. Надо, чтобы все было закреплено законом за коренными жителями. Болит душа у всех наших людей. Копают землю, ведут геологические разработки. Надо ограничить их действия до минимума законом” (*Косыгин Егор, Тилички, охотник*). “Специальные меры по защите или охране священных мест – понятие двойкое, потому что, с одной стороны, охраняя, мы иногда губим священные места, создавая туристические маршруты, показанные туристические мероприятия. Это иногда губит священное место, его смысл, сущность. С другой стороны, промышленное освоение территорий тоже может повредить, погубить. Какие-то мероприятия проводить по этому поводу довольно-таки сложно. Вопрос в том, чтобы вся территория коренных малочисленных народов принадлежала бы им, независимо от того, компактно они проживают или нет. Народы Севера – кочующие народы, им нужен простор на этих территориях. Эти земли должны осваиваться с полного их согласия, тогда священные места будут сохранены. И тогда не нужно будет никаких специальных местных, региональных, федеральных мер по их охране” (*Тнагиргин Валерий, Тилички, работник администрации*). “Конечно, нужна разработка для защиты священных мест, хотя бы в нашем районе. Пока попробовать на местах, а потом – на региональном уровне. Сделать общий анализ священных мест, обработать информацию. А потом нужна федеральная поддержка. Чтобы люди знали о священных местах. Необходимо охранять священные места. Желательно, чтобы все было законно. Мы все теряем, нужно восстанавливать и защищать природу. Возможно, люди будут лучше относиться к себе, к другим. Раньше люди, когда преклонялись священным местам, были культурными, добрыми, развитыми. А сейчас мы не понимаем друг друга. А ведь это наша культура, наши обычаи, традиции” (*Филиппова Людмила, Тилички, директор краеведческого музея*).

Необходимость нанесения священных мест на карту. Ямал: “Скорей всего, нет. Зачем чужим людям знать места нахождения священных мест” (*Вануйто Ертику, Антипаута, домохозяйка*). “Отношусь к этому положительно” (*Вануйто С.Х., Тазовский, рыбак*). “Положительно, хотя, по вере ненецкого народа, эти места для посторонних показывать и фотографировать нельзя” (*Вэнго А.И., Тазовский, судоводитель*). “Положительно. Необходимо изучать и сохранять священные места” (*Гржебинская С.А., Тазовский, учительница*). “Не знаю. Есть опасения расхищения

культовых вещей со священными местами. Думаю, что это должны быть секретные материалы. Всем чужим людям не надо знать про эти места” (*Вэнго Э.Х. Гыда, пожарник*). “Я, как коренной житель, отношусь положительно. Пусть будут они отмечены на региональной карте” (*Ламдо Ю.А., 5–6 Пески, рыбак*). “Оленеводы знают о них, зачем русским знать?” (*Лапсуй В.Х., Антипаюта, чумработница*). “Было бы нежелательно. Появятся любопытные люди и по кусочкам растищат все священные места на сувениры. Надо принять закон на всех уровнях, создать карту всего района, чтобы геологи знали, куда нельзя ставить свои буровые вышки и где нельзя оставлять производственный мусор” (*Лапсуй П.П., Антипаюта, оленевод*). “Зачем всем рассказывать? Если для добра, то можно” (*Лапсуй Клавдия, Антипаюта, чумработница*). “Зачем об этом знать чужим людям. Что будет с этими священными местами, когда об этом узнает много людей?” (*Лапсуй Явлада, Антипаюта, оленевод*). “Я свое священное место ни от кого не прячу. Ко мне приходят многие разные люди, разных национальностей” (*Мандаков Г.Е., Тазовский, пенсионер*).

Камчатка: “Карта священных мест просто необходима. Не только для коренных жителей, но и для геологоразведочных экспедиций” (*Вавакко Алексей, Хаилино, оленевод*). “Отношусь положительно. Ведь о священных местах наш народ мало знает: ни мест расположения, ни координат, ни размеров. Все приблизительно. Может быть, будущее поколение хоть по картам будет знать о священных местах” (*Вавакко Рультынче, Хаилино, оленевод, пенсионерка*). “На картах Камчатки не всегда найдешь название своего села, что уж говорить о священных местах. Но было бы, конечно, интересно узнать о расположении священных мест на карте, именно наших мест, Хаилинских. Да и для современной молодежи это было бы хорошим уроком познания родного края” (*Кованько Анна, Хаилино, пенсионерка*). “Если это во благо будущего поколения, то я согласна с тем, что надо нанести на карту. Но только те места, которые стоят на маршрутах кочевок табунов” (*Лилькива Людмила, Хаилино, пенсионерка*). “Священные места на то и священные, чтобы о них знали конкретно проживающие здесь представители народов Севера, старожилы. Нет необходимости в нанесении на карту. Если человек пытается найти священное место, то он должен пообщаться с людьми, узнать что это за священное место, потому что каждое священное место имеет определенное назначение, и человек, не зная самого священного места, почему оно образовалось, найдя его на карте, придет и нарушит обрядовые правила” (*Тнагиргин Валерий, Тиличики, администрация*).

Уникальность этих материалов состоит в том, что все они – результат коллективной работы более ста представителей самих коренных народов – исследователей, знатоков священных мест и обычных оленеводов и рыбаков. Объем и качество полученной информации свидетельствуют, что такая организация исследования вызывала доверие к нему и откровенность респондентов.

Как мы видим, ответы на одни и те же вопросы различаются и группируются по этническим и социальным признакам респондентов. Даже на первый взгляд видно, как различаются два этнических общества – ненецкое и коренных жителей Корякии. Например, у ненцев Гыданского полуострова, где сохранились кочевое оленеводство и деление на роды, существует четкое представление о делении священных мест на женские и мужские, родовые и общие. На Камчатке, в соответствии с особенностями этнической истории смешанного населения Олюторского района – коряков, чукчей, охотских эвенов, более русифицированных, давно утративших родовое деление, в большей степени перешедших к оседлому образу жизни, – эти различия не значимы для респондентов.

Прослеживается различие мнений в зависимости от возраста и социального положения респондентов. Оленеводы, представители старшего поколения не склонны к развернутой оценке и анализу значения священных мест. Они воспринимают их как данность, не подлежащую обсуждению. В вопросах охраны священных мест они более надеются на самих себя и силу духов. В то же время они обнаруживают большую толерантность в отношении поведения людей других национальностей. Представи-

тели коренных народов, относящиеся к местной интеллигенции и администрации, склонны к более абстрактным, оценочным, иногда резким, суждениям, особенно, когда вопросы касаются охраны священных мест. Мнения жителей различаются и по степени промышленного освоения территории их проживания: люди, столкнувшись с последствиями промышленного освоения, настроены более озабоченно и решительно.

Конфиденциальность и табуированность как основные правила поведения, связанного со священными местами, сохранились в представлениях респондентов. Поэтому вопрос о необходимости картирования вызывает противоречивые ответы. Говорящие колеблются между нежеланием нарушать традиционные запреты и опасением забвения и разрушения священных мест. Те, кто высказался против картирования, единодушины во мнении, что священные места должны оберегать сами коренные народы и их духи. Примечательно то, что у ненцев, лучше сохранивших традиционный уклад жизни, противников картирования священных мест больше, хотя давление промышленного освоения на их территории сильнее. Среди 30 камчатских респондентов лишь один высказался против картирования.

Священные места как часть мировоззрения коренных народов. Значение приведенных здесь и других высказываний, опубликованных в книге, выходит далеко за рамки первоначальных целей проекта – изучения священных мест в контексте сохранения биологического разнообразия. Эти высказывания свидетельствуют о том, что представления о священных местах и связанные с ними ритуалы отражают реальное мировоззрение говорящих, их личное ощущение духовной и материальной связи человека с окружающей средой. Потому так часто рассуждение на темы священных мест превращается в описание собственного ощущения или опыта. Ритуалы, совершаемые на священных местах, воспринимаются говорящими как действия, способствующие постоянной актуализации этой связи. Разрушение священного места или неисполнение ритуала, по мнению респондентов, ведет к опасному для человека разрушению этих связей.

При анализе материалов опроса становится очевидно, что рассматривать священные места лишь как наследие, природное или культурное, значит неправомерно судить их значение. Весь спектр противоречивых представлений и ощущений, связанных с культом священных мест, для меня отразился в одном из ответов: “У нас в 30-е годы геологи разрушили одно священное место, сейчас на этом месте стоит железный столб. Так вот, до сих пор ходит легенда, что люди часто чувствуют присутствие хозяев священного места, в образе старика и старухи. Вот недавно их видели сидящих на крыше нашего балка. Часто можно услышать по ночам вздохи и разговоры этих хозяев” (*Хабду Е.С., Тазовский, пенсионер*). Здесь и жалоба на “геологов”, и свойственная пожилому поколению попытка отстраниться от “пережитков” словом “легенда”, и неожиданное сообщение о том, что респондент сам слышал “вздохи и разговоры этих хозяев”. Когда “хозяева места” вздыхают, сидя на вашей крыше, это означает, что почитание священных мест для вас – часть реальной духовной жизни.

Вместо заключения. Различие в подходе защитников прав коренных народов и самих коренных народов к проблеме охраны священных мест просматривается в трех цитируемых ниже документах.

В проекте Эрики-Ирены Даес “Принципы и руководства по защите наследия коренных народов” предлагается: “Сотрудничая с соответствующими коренными народами и правительствами, ООН следует создать конфиденциальный список священных и церемониальных мест, в отношении которых требуются особые меры охраны и консервации, а также предоставлять финансовую и техническую поддержку коренным народам для этих целей” (статья 57)¹². На мой взгляд, подход с точки зрения “списка” и “консервации” противоречит традиции сохранения живой связи человека и природы, запечатленной в культе священных мест.

Более широким и близким к значению священного места представляется определение ассоциативных культурных ландшафтов в Конвенции ЮНЕСКО 1972 г. об ох-

ране всемирного культурного и природного наследия : “Большие или малые, продолжительные или непродолжительные районы и пути, маршруты или иные линейные ландшафты. Ими могут являться как физические объекты, так и интеллектуальные объекты, запечатленные в духовности, культурной традиции и практике народа. В число атрибутов ассоциативных культурных ландшафтов входят невещественные, такие как акустические, кинетические и обонятельные, а также визуальные”¹³.

Проект декларации коренных народов, разработанный Рабочей группой коренных народов в ООН, предлагает наиболее динамичное и полное определение живой духовной практики, связанной с культом священных мест: “Коренные народы имеют право проявлять, практиковать, развивать и передавать путем обучения свои духовные и религиозные традиции, обычай и церемонии; право поддерживать и защищать свои религиозные и культурные места, а также иметь конфиденциальный доступ к ним; право пользоваться и контролировать церемониальные объекты; право на репатриацию человеческих останков. Государствам необходимо принять эффективные меры, сотрудничая с заинтересованными коренными народами, чтобы гарантировать сохранение, уважение и охрану священных мест коренных народов, в том числе их погребений” (Глава 13)¹⁴.

К сожалению, этот принцип существует пока лишь в проекте. На практике работает лишь Конвенция ЮНЕСКО, но время, когда все священные места коренных народов попадут в Список мирового наследия, отстоит слишком далеко от сегодняшнего дня, хотя, видимо, к этому стоит стремиться. В реальности коренные народы вынуждены, подчиняясь бюрократическим требованиям, нарушать принципы конфиденциальности и запретов или, страдая, наблюдать как реально существующие в их культурном ландшафте и их душах священные места оказываются внутри лицензионных участков, где добывают нефть или вырубают леса.

Священные места коренных малочисленных народов в настоящее время подвергаются и другой угрозе. Воинствующие последователи некоторых мировых конфессий в продолжение средневековой традиции водружают символы своей веры на священных местах (известны случаи установки здесь крестов, часовен, церквей, мечетей). При этом с точки зрения представителей коренных народов не имеет значения,вольно или невольно происходит разрушение и осквернение их священных мест.

Анализ как международных документов и зарубежной литературы, связанный с проблемой охраны священных мест, так и результатов опроса коренных жителей показывает, что окончательного разрешения противоречия между западным подходом к этой проблеме и традиционными представлениями коренных народов пока не найдено. Как мы уже писали выше, лучшим, на наш взгляд, легитимным способом защиты и охраны священных мест в современном российском юридическом контексте может быть включение их в территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов и передача функций их охраны и учета самим коренным народам.

Реализованный на Ямале и на Камчатке проект показал как возможности, так и трудности интегрированного подхода различных культур к проблеме охраны священных мест. Одновременно проект продемонстрировал, что сами представители коренных народов России могут эффективно собирать и обрабатывать информацию о священных местах, документально представлять ее в том виде, в каком считают это допустимым. Этот опыт доказывает необходимость создания специальной программы для коренных народов нашей страны по описанию и документации священных мест, по разработке собственной стратегии их охраны и использования в рамках процесса образования территорий традиционного природопользования.

Примечания

¹ Из Указа царя Василия Шуйского от 25 марта 1610 г. // Русская историческая библиотека. СПб., 1876. С. 216.

² Конвенция о биологическом разнообразии, 1992 // Охрана природы: международные организации, конвенции и программы: Информационно-справочное издание. М., 1995.

³ 2004, Добровольные руководящие принципы проведения оценки культурных, экологических и социальных последствий предлагаемой реализации проектов в местах расположения святынь, а также на землях и в акваториях, занимаемых или используемых коренными и местными общинами (<http://www.biodiv.org> – перевод Akwé: Kon Voluntary Guidelines for the Conduct of Cultural, Environmental and Social Impact Assessment Regarding Developments Proposed to Take Place on, or Which Are Likely to Impact on, Sacred Sites and on Lands and Waters Traditionally Occupied or Used by Indigenous and Local Communities / Decisions Adopted by the Conference of the Parties to the Convention on Biological Diversity at its Seventh Meeting/UNEP/CBD/WG8j/VII/16).

⁴ Burges Ph. Traditional Knowledge: a Report Prepared for Arctic Council Indigenous Peoples Secretariat. 1999; Cummings C. Sacred Landscapes from a Legal Perspective: Examples from the United States / Oakes J., Rieve R., Kathie-Kinew E.M. (eds). Sacred Lands: Aboriginal World Views, Claims and Conflicts. Occasional Publication № 43. Canadian Circumpolar Institute Press, 1998.

⁵ Sole T., Woods K. (1996). Protection of Indigenous Sacred Sites: the New Zealand Experience (<http://www.mtnforum.org>).

⁶ Kulchyski P. Bush / lands: Some Problems with Defining the Sacred // Oakes J., Rieve R., Kathie-Kinew E.M. (eds). Sacred Lands: Aboriginal World Views, Claims and Conflicts. Occasional Publication № 43. Canadian Circumpolar Institute Press, 1998.

⁷ Commins B., Whiteduck K. Towards a Model of the Identification and Recognition of Sacred Sites // Oakes J., Rieve R., Kathie-Kinew E.M. (eds). Sacred Lands: Aboriginal World Views, Claims and Conflicts. Occasional Publication № 43. Canadian Circumpolar Institute Press, 1998.

⁸ Федеральные законы Российской Федерации “Об особо охраняемых природных территориях” (1996), “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” (2002).

⁹ Боярский П.В., Лютый А.А. (ред). Остров Вайгач. Природное и культурное наследие. М., 1999.

¹⁰ Федеральный закон Российской Федерации “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” (2001).

¹¹ Священные места Арктики. Значение охраны: исследование коренных народов Севера России. М., 2004. Издание Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

¹² Эрика-Ирена Даес. Принципы и руководства по защите наследия коренных народов – неофициальный перевод: Daes E.-I. (1995). Protection of the Heritage of Indigenous People: Final Report of the Special Rapporteur Mrs. Erica-Irene Daes, in Conformity with Sub-Commission Resolution 1993/44 and Decision 1994/105 Commission of Human Rights, Sub-Commission on Prevention and Discrimination and Protection of Minorities, 47th Session, E/CN.4/Sub.2/1995/26).

¹³ ЮНЕСКО, 1972 г. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // Курьер ЮНЕСКО, декабрь, 1972.

¹⁴ 1995, Проект декларации о правах коренных народов – неофициальный перевод (http://www.unhchr.ch/html/menu2/ind_main.htm).

O. A. M u r a s h k o. Sacred Places of the Peoples of the North: Protection by Law and by Custom

The author discusses the important legal issue of the protection of sacred places as objects of cultural heritage of the peoples of the North. On the basis of surveys conducted among the native people in Yamalo-Nenets and Koryak regions in 2001–2002, the author expounds on the difference between the approaches to this issue that are currently taken by human rights advocates and the native people themselves. She further analyzes these approaches by comparing them with the norms of the international law.